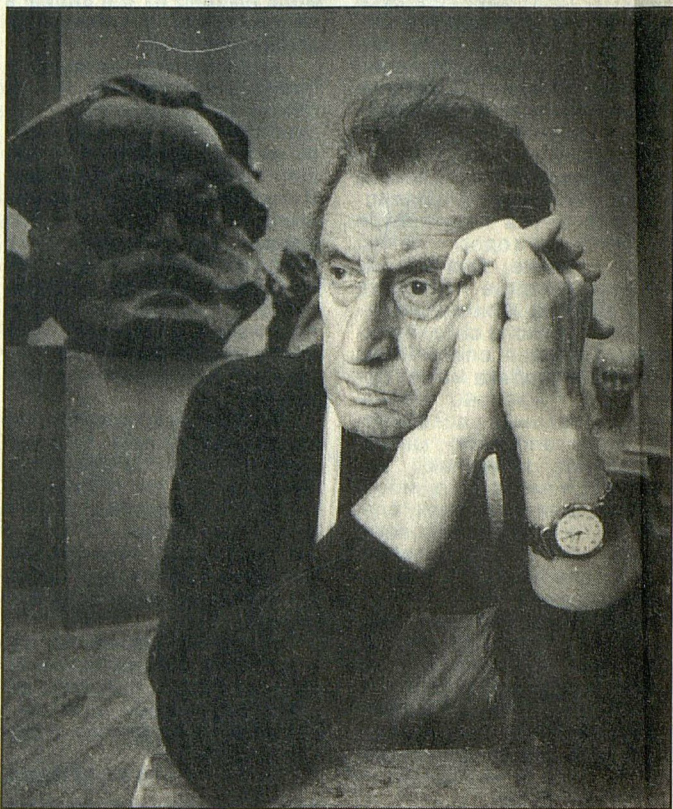

Клубные встречи

Лев **КЕРБЕЛЬ:**

Льву Ефимовичу Кербелю выпало родиться в тот самый день, когда восставший народ взял в Петрограде Зимний. То есть буквально "он родом из Октября" и "родился под залпы "Авроры". В этом есть какое-то почти мистическое совпадение — человек, появившийся на свет в самый день Октябрьской революции, сделался крупнейшим из художников, изображавших когда-либо революцию и революционеров. Кому не известны памятники Л. Е. Кербеля! Это и Ленин на Калужской (Октябрьской) площади, и Маркс перед Большим театром, и Маркс в городе Хемниц (бывший Карл-Маркс-Штадт), и Гагарин на Аллее космонавтов в Москве, и многие, многие другие.

Родина Октября щедро награждала своего скульптора. В 1950 году Л. Е. Кербель был удостоен Сталинской премии, в 1962-м — Ленинской.

В отличие от многих деятелей искусства, которые сегодня совещаются своих произведений прошлых лет, Лев Ефимович не отказывается ни от одной своей работы. Он идет по залам своей мастерской, вдоль бесконечных полок с этими памятниками, с этими бюстами, портретами, и видно, что он любит и каждую свою работу, и каждого воплощенного в ней человека. Он берет с полки плаستيленного Жукова размером с мизинчик, поправляет ему покосившуюся головку и сокрушенно вздыхает: "Таэт. Жарко тут!". Он часто повторяет фразу: нас так воспитали, мы так воспитаны. Под конец беседы просит: не пишите о нас, художниках, неправду. Он убежден, что если попросить не говорить неправды, то так и будет. Так их воспитали.

— Лев Ефимович, совпадение дат рождения — вашего и Октябрьской революции — диктует естественный вопрос: где вы родились?

— Я родился на Украине, в Черниговской губернии, в местечке Семеновка. Это местечко знаменито было своими сапожниками и портными. Портным был и мой дед. А отец ему помогал. Вот так они и жили. Но пришел семнадцатый год, и весь уклад жизни нашей семьи перевернулся. Отец пошел к большевикам. А матери моей, бывшей тогда, как говорят, в интересном положении, вот-вот подходил срок родин. Но в это самое время в нашу Семеновку ворвался Петлюра и начал всех евреев поголовно избивать. И не сидеть бы мне сейчас тут с вами, если бы не наш сосед-украинец. Он был пчеловодом, и у него в сарае стояли огромные бочки под мед. Он спрятал мою мать в одну из этих бочек. И — вообразите! — именно там, в этой бочке, я и появился на свет.

— Двадцать пятого октября по старому стилю...

— Совершенно верно. В 12 часов ночи. Ну а потом наша семья перебралась в Смоленск. И там уже мы прочно обосновались. Этот город я и считаю своей родиной, и очень люблю. А одно из самых ярких воспоминаний детства — Ленин.

— Как Ленин?

— Отец тогда получал журнал "Красная Нива". И на одном из номеров на обложке был изображен Ленин в гробу. А мне тогда, как вы понимаете, шел только 7-й год. И вот на меня, на ребенка, эта фотография произвела сильнейшее впечатление.

— Может быть, поэтому ленинская тема и стала главной в вашем творчестве?

— Она не главная. Это неверное представление, что главная тема моего творчества Ленин и Маркс. Для меня главное то, что меня волнует. Это может быть и Ленин. Может быть и Маркс. Но давайте пройдем с вами по мастерской, и, кроме Ленина и Маркса, вы увидите изображения множества самых разных людей, в том числе и живших задолго до коммунистической эпохи. Но с Лениным действительно связано мое первое общественное признание как скульптора. В девятом классе, в Смоленске, я вылепил барельеф Ленина. Придумал этот образ не я сам причуд, а я его скопировал с барельефа знаменитого скульптора Андрея. И эта моя работа заняла первое место на конкурсе. Мне тогда за нее вручили фотоаппарат. А потом уже, после окончания школы, меня послали учиться в Москву. Я приехал в

Москву и сразу пошел к Крупской в Наркомпрос. Едва я к ней вошел, она спрашивает: а вы, молодой человек, обедали сегодня? Какой там! Я же только что с поезда. Я очень, знаете ли, так застенчивый... хотел сказать, что-де я сыт, хотя голоден был страшно. Но в конце концов так и сказал ей по правде. И тогда она, прежде всякого другого дела, подает мне какой-то талончик с печатью и говорит: идите вниз, там у нас столовая, а потом приходите. Вот такое тогда было отношение к людям. Потом Крупская меня направила к Бродскому, а Бродский уже меня привез в Ленинград, в Академию художеств. С этого момента и по сей пору я профессионально занимаюсь скульптурой.

— А скажите, как вы теперь относитесь к этой знаменитой ленинской идее "монументальной пропаганды"? Бы же были в свое время одним из главных ее реализаторов.

— Да, был. Но видите ли, ленинскую идею "монументальной пропаганды" у нас теперь понимают только как увековечение в бронзе самого Ленина. Или его ближайших соратников. А это не так. Да, мы ставили памятники революции, памятники революционерам и, разумеется, Ленину. Но "монументальной пропагандой" же, а может быть, даже главным интересом "монументальной пропаганды" был образ советского народа. Разве мало материала дала Отечественная война! А покорение космоса?! Сколько подвигов наш народ совершил! Кроме вождя революции, у скульпторов было множество тем, множество образов. Да вы знаете, что работу над Петром Первым я начал лет 25 тому назад! Меня взволновал этот образ. И тогда я сделал этот бюст, который теперь вон стоит у меня на входе. Я его сделал, но заказ почему-то не прошел — денег что ли не было? — и я его оставил. А теперь вот спустя много лет я вновь вернулся к этой идее. К Петру. Он уже готов в натуральную величину. Сейчас его формуют. И в начале будущего года в Измайлове этот памятник будет открыт. Лужков сказал, что финансирование этого проекта дело решенное. Он уже дал команду смету составить. Мой Петр будет небольшим. Всего 360 сантиметров ростом. Но я делаю его с такими, знаете ли, сумасшедшими глазами. С таким приказным жестом "Флоту быть!". Он в одежде рабочего человека, но в то же время на нем накинута императорская мантия. Но он, понимаете, как будто бы вырывается из этой мантии... Чувствуете аллегорично? Царь идет к народу!

Дело в том, что для меня и тогда и сейчас не было и нет разницы — Ленин ли, Петр ли — все равно! Это мои образы. Как в театре актер играет разных персонажей, создает разные образы, точно так же работает и художник.

— Лев Ефимович, вы бы и сейчас могли Ленина сделать?

— Если бы был заказ — с удовольствием!

— И каким вы его сегодня видите?

— У меня Ленин каждый раз новый. А сейчас бы, если начать фантазировать, я бы сделал ему такой могучий лоб... Такого сделал бы Ленина думающего. Мыслителя. У Ленина же удивительной красоты череп. У него очень интересно построены глаза. Они не чисто русские, а с азиатской примесью, что ли. И в этом характер. Недаром знаменитый наш русский скульптор Андреев, известный своим гениальным памятником Гоголю и другими работами, заинтересовался Лениным. Ленин поразил его своею динамичностью, своею характерно внешнею. Я убежден, эпоха еще вернет Ленина. Что за отношение к нему теперь! Незаслуженно! Так и к врагам нельзя относиться. А Ленин не был врагом России. Это великая личность. Историческая личность. И когда-нибудь все поймут, что для России он был величайшей фигурой. Я любил этот образ и люблю.

Так вот, о "монументальной пропаганде" — да, я всю жизнь пропагандирую все лучшее, что было в Советском Союзе, в России. Это и Ленин, это и Петр, это и Суворов, и Жуков, и Гагарин, это и наши знаменитые ученые, врачи, писатели. У меня 77 памятников! По все-

родился 25 октября 1917 года в бочке из-под меда

Веч. клуб. - 1997 -
б.ч.ч.ч. - 4.6.

му миру стоят. Преимущественно, конечно, в России. В одной Москве у меня 15 памятников. Но много и за рубежом. В Германии пять или шесть, не помню уже.

— А не постигла ли какие-либо из ваших работ участь памятника Дзержинскому?

— Нет. К счастью, пока нет. И я спросил однажды у Лужкова: как, говорю, мои памятники? устоят? Он отвечает: вы что! Это же произведения искусства! Это история в конце концов! Никаких вопросов даже быть не должно. И единственный мой памятник из 77, которого уже нет, это Ленин в Болгарии. Да и то они теперь извиняются, говорят: у нас там должна быть станция метро, поэтому мы памятник и сняли... А в Германии мои работы не только охраняются, но немцы еще и средства выделяют на поддержание их в надлежащем виде. Культурная нация. Понимаете? Мой Маркс для Карл-Маркс-Штадта был настоящим открытием в скульптуре. Потому что никто никогда до меня не делал голову-памятник. Вон посмотрите, это стоит модель в одну шестую натуральной величины. Это же сгусток скульптуры! Это... классика! Весь мир признал его.

— А приходилось ли вам когда-нибудь лепить Сталина?

— Лежащего в гробу — лепил. Меня тогда вызвали ночью. Меня и Цигала. И мы вдвоем по очереди — раз-раз — и накидали. У нас забрали работу. И вернули только через несколько лет. У меня есть этот слепок. Какими-то, помню, ходами, через метро, майор КГБ меня провёл в Колонный зал. Поставили: вот ваше место. У сцены. Я лепил, а в нескольких шагах от меня стояло все Политбюро. Ко мне подошел Микоян и, так, знаете ли, характерно сюсюкая, скороговоркой сказал: ты смотри, поточнее! Ну и я, признаюсь, делал эту скульптуру с любовью. Потому что Сталина все мы просто-таки обожали. Все были так воспитаны. И вот делаю я слепок, а сам нет-нет, да и поглядываю на Политбюро. У Хрущева, как помню, были развязаны шнурки. Весь он был такой нескладный. Одежда на нем висела. И не понятно было, то ли он скорбит, то ли уже обдумывает, что дальше делать. Рядом стоял Берия. Он был как будто уверен, что теперь властвовать ему. Каганович застыл и одним только глазами все поглядывал туда-сюда. А Берия блестел пенсне: вот сейчас похороним и я буду весь! Устинов стоял там же рядом. Очень горевал, очевидно. Он был самым молодым министром. По-

том уже много лет спустя я Устинова лепил. Замечательный человек! Как дважды героя. Пока я его лепил, он мне столько анекдотов рассказывал! Как с ним весело было.

— С генсеками встречались?

— Я встречался с Черненко. Замечательный человек! Он сам, будто извиняясь, сказал тогда: ну что мне было делать — меня назначили. А он уже задышался. Но человек был очень добрый. Он меня спросил: вы в Сибири когда-нибудь бывали? Нет, не бывал, говорю, на Дальнем Востоке приходилось, а вот в Сибири нет. Он говорит: если хотите, я вас на своем самолете отвезу, вы посмотрите Красноярский край. Я согласился с удовольствием. Когда я ехал в аэропорт на своем паршивом "жигуленке", кругом все было огорожено, оцеплено, стояли патрули, а меня неожиданно всюду пропускают и никто ни о чем не спрашивает. Значит, мой номер уже был известен и я свободно ехал там, где полагалось ехать только кортежу "зильов". В самолете мы с корреспондентами и разными помощниками Константина Устиновича сидели отдельно от самого Черненко и его семьи. А потом он вышел к нам. Такой нормальный человек. В подтяжках. Лев Ефимович, говорит, зайдите ко

мне сюда. И мы с ним стали разговаривать запросто. Он много и интересно рассказывал про великий Красноярский край. Замечательные они люди были, уверяю вас.

— А современных деятелей? Президент наш, например?

— К Ельцину я отношусь с огромным уважением. Когда он был секретарем горкома, я должен был делать скульптуру для Павелецкого вокзала, и я был вали на многих совещаниях, которые он проводил. И уже тогда он говорил: так дальше жить, товарищи, нельзя. Это были его слова. Очень интересный человек. Я не только сам голосовал за него, я еще и агитировал всех наших академиков.

— А сейчас бы вы стали за него агитировать?

— Бесспорно! Потому что сейчас он, будто после какого-то затишья, возгорелся с новой силой. Понимаете, президент так же, как и монарх, должен быть человеком, который понимает судьбы своего народа. А не судьбы чиновников. И он, помоему, к этому поворачивается. А чиновники противятся, разумеется, сбивают его. Но он может и умеет вовремя стукнуть кулаком по столу. У него есть такие права. И это в его характере. Но давайте политикой не заниматься. Потому что, честно говоря, политикой заниматься опасно. Моё дело творческое. Больше всего я верю не в политику и не в политиков, а в самую Россию. Она должна все-таки воспрянуть. Я знаю наших людей. Я знаю глубинку. В глубинке совсем другая жизнь. Туда приезжаешь — отдыхаешь. Возвращаешься — тебе баночку меду с собою дадут или там бруснички, которую они сами же и собирают. И у них там нет никакой политики. Никаких политических сплетен. И вот это все наша Россия.

— Вы сделали свой памятник Петру. Вероятно, у вас есть какое-то мнение относительно памятника Петру работы Церетели?

— Положительное! Дело в том, что у него не памятник Петру, как его все почему-то называют. А это памятник 300-летию Российского флота.

— Но, говорят, это сооружение великовато для центра Москвы, не кажется ли вам?

— Ну, понимаете, я не берусь обсуждать Церетели, потому что я, как никто другой, может быть, знаю его многие великолепные работы. Кроме того, что он талантливый скульптор, он и живописец, и дизайнер великолепный. Воссоздание храма Христа — это в значительной степени заслуга Церетели. Какие он там сделал великолепные ворота! Какие скульптурные работы! Наконец, Церетели мой коллега... Я еще и поэтому не могу присоединиться к многоголосому хору его хулителей. Сейчас он избран президентом академии, после смерти Пономарева. И из полуразрушенной он ее поднимает. За одно только это я ничего не могу ему сказать, кроме благодарности. Я к Церетели отношусь не только как к художнику, но и как к огромному общественному деятелю. И я уверен, придет время, вы все еще будете хвалить его вещи.

— Кого еще из современных наших скульпторов вы могли бы отметить?

— Прежде всего своих учеников. Молодых скульпторов Михаила Перелазова и Александра Рукавишникова. Они уже академики. Уже сами профессора. Я же преподаю 35 лет. Сколько у меня было учеников! И не только из Советского Союза, но и из Африки, из Шри-Ланки, из Йемена, из Монголии, из Китая. Откуда угодно. К сожалению к великому, в последнее время у меня меньше всего русских учеников. Не идут они сейчас. А без студентов я себя уже не мыслю. Есть очень талантливые. И есть бездарные, которые, впрочем, учились на пятерки. Но из них ничего не вышло, потому что они четко делали то, что просил педагог, без личного творческого отношения. А были троечники, которые стали великими. Но были, разумеется, и отличники, оставшиеся таковыми и сейчас. По-разному. Искусство — это очень сложный процесс. Но знаете, оттого, что я преподаю, хотя мне и трудно уже порою по лестнице подняться, я испытываю огромное душевное успокоение. Я им даю что-то. Но они мне дают еще больше.

— Чем закончим интервью, Лев Ефимович?

— Ну что я могу сказать еще? Я рад, что я живу. Мне вот через несколько дней будет 80 лет. У меня большая хорошая семья. Три красивые дочки. Внука. Жена. Я скромный художник. Вы спрашиваете меня о разных известных высокопоставленных людях, которых я лепил, а я прежде всего помню, например, своих марков-североморцев, вместе с которыми я служил и воевал.

Встречался Юрий РЯБИНИН.

Р.С. Редакция "Вечернего клуба" с удовольствием поздравляет Вас, Лев Ефимович, со славным юбилеем. От всей души желаем Вам долгих лет жизни, здоровья, творческих удач и исторического оптимизма.

ФОТОРЕПОРТАЖ ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА.

